

С. Н. Азбелев

О РЮРИКЕ И ГОСТОМЫСЛЕ

1

Предыстория Новгородской республики для дальнейшего своего выяснения весьма нуждается в расширении круга источников. Значение археологических данных доказательств не требует — особенно при изучении Великого Новгорода. Именно археология обогатила фонд достоверных письменных источников помимо известных всем теперь берестяных грамот еще и находками, подтверждающими аутентичность уникальных сведений Иоакимовской летописи. Как известно, рукопись ее не сохранилась, но есть обширные выписки в труде В. Н. Татищева, о достоверности которых велась дискуссия на протяжении двух с половиной веков. Наибольшее внимание ученых привлекало содержащееся в них пространное повествование о крещении новгородцев. Оно предстает как фиксация устного рассказа участника событий и по содержанию не имеет аналогов в других источниках. Описанные здесь драматические факты должны были оставить существенные следы на территории города. Тогдашняя топография Новгорода была выяснена археологами в значительной мере, следы эти обнаружены, и на их основе реконструирована реальная картина происходившего. Она соответствует тому, что передал составитель Иоакимовской летописи. Обо всем этом можно прочесть в опубликованной два десятилетия назад работе исследовавшего данный вопрос и руководившего самим раскопками В. Л. Янина.¹

Плодоносность этого научного факта выходит далеко за рамки изучения христианизации Новгородской земли: изменилось преобладавшее прежде скептическое отношение к Иоакимовской летописи вообще и причастности к ее первоначальному тексту первого новгородского епископа. В то же время встал вопрос об источниках этого памятника, потребовавший обращения к фольклористике, поскольку даже основанное на впечатлениях очевидца повествование о крещении новгородцев содержит отсылки к фольклорным источникам, а в известиях Иоакимовской летописи о событиях более ранних они привлечены еще более существенно. Свидетелем этих событий епископ Иоаким не был, но составитель мог воспользоваться устными рас-

¹ Янин В. Л. Летописные известия о крещении новгородцев (О возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город: Исследования и материалы. М., 1984. Вып. 7. С. 40—56.

сказами и даже историческими песнями, которые упомянуты в Иоакимовской летописи при их описании. Вместе с тем очевидно, что известия своего первоначального источника дошедшая до Татищева летопись уснастила, соответственно моде позднейшего времени, плодами сочинительства, основанного на этимологических догадках. Они находятся в ее вводной части, которая опиралась на фольклорные источники. Поэтому, за вычетом «наивных этимологий» и связанных с ними домыслов, нет достаточных причин отказывать в доверии этому памятнику, о чем справедливо писал в обстоятельном разборе Иоакимовской летописи П. А. Лавровский около полутора веков назад.²

Фрагменты этой летописи, обязанные устной традиции, представляют интерес, в частности, тем, что при соотнесении их содержания с иноязычными материалами средневековья и с записями фольклористов нового времени помогают объяснить происхождение князя Рюрика от «легендарного» Гостомысла.

Боле 120 лет назад известный собиратель фольклора Е. В. Барсов записал в Олонецкой губернии от выдающегося сказителя былин довольно пространное предание о князе Рюрике. Оно было опубликовано еще в 1879 г., но нельзя сказать о широком использовании его в исторических трудах. Между тем предание любопытно, так как вполне ясно говорит о добровольном подчинении новгородцев, которые сначала находились просто в союзных отношениях с этим князем, прибывшим «из северной страны, из дальней украины» в Ладогу и затем перебравшимся в Новгород. Как здесь сказано, «залюбили его новгородцы», увидев, что человек он «хорошего разуму и повышаает себя житьем-богатством; а тут и побаиваться стали». Чего стали побаиваться, в самом тексте предания не говорится, но, судя по контексту, имелась в виду внешняя опасность. Тогда новгородцы «завзвонили на сует — в колокол, — и выступает этот Юрик-новосел: „Что, — говорит, — честное общество, возьмите меня в совет к себе, и будь я над вами как домовый хозяин. Только можете ли вы за наряд платить мне половину белочьего хвоста?“». Сметили и погадали граждане новгородцы и сказали: „Можем и платить будем половину белочьего хвоста“». Далее повествуется, что через некоторое время «опять зазвенел колокол и на сходе собрались», Рюрик снова выступил и попросил платить ему «весь белочий хвост». Новгородцы согласились. Таким же образом говорится, что по его просьбе далее стали платить «половину белочьей шкуры», позднее — «всю белочью шкуру». Наконец князь «собрал всех на сходку и говорит: „За белочью шкуру хочу я наложить на вас малые деньги, можете ли вы поднять мне?“». И малые деньги они подняли. — И поныне помнят этого домового хозяина и в Северной уkraine, и в Олонецком крае, и в Новгороде». Предание завершается указанием, что после этого князя «пуше и пуше повышали дань» вплоть «до Петра Первого, а после Петра платили и с живой души, и с мертвой, и рубль, и два, и три, и четыре, и пять».³

² Подробно см.: *Азбелев С. Н.* К изучению Иоакимовской летописи // НИС. СПб., 2003. Вып. 9 (19). С. 5—27.

³ *Барсов Е. В.* Северные народные сказания о древнерусских князьях и царях // Древняя и новая Россия. СПб., 1879. № 9. С. 400—401.

При наивной на современный взгляд интерпретации общий характер взаимоотношений первого новгородского князя с вечевым городом предстает в предании достаточно определенно. Оно дополняет известные летописные данные о добровольном приглашении Рюрика и дает материал для дальнейшего изучения истоков политического устройства Новгорода, согласуясь и с тем, что можно прочесть о Рюрике в Иоакимовской летописи. Но последняя важна в данном случае как раз уникальными сведениями, относящимися к его происхождению, спор о котором в науке имеет, как известно, более чем двухвековую протяженность.

Одним из самых значительных событий в дискуссии по варяго-русской проблеме явился двухтомный труд С. А. Гедеонова, изданный в 1876 г. Автор доказывал западнославянское происхождение призванных на Русь князей и само название варягов возводил к прибалтийским славянам. Указав, что у западных славян сокол обозначался словом «рерик», Гедеонов ставил в связь с этим родовой знак Рюриковичей, напоминая изображение летящего сокола. Говоря, что у вендов существовало племя рерики и был город Рерик, а один из притоков Одера тоже имел такое название, Гедеонов приводил свидетельства источников и о существовании этой формы личного имени у славян: Псковская летопись упоминает об убиении польского воеводы Ририка, а имя Рерик встречается среди имен древнечешских родов, заседавших на богемских сеймах; однако эти свидетельства сравнительно поздние — XIII—XVI столетий.

У раннесредневековых германских хронистов Гедеонов нашел сведения, что племена прибалтийских и полабских славян именовались по названиям их тотемов, причем племя ободритов, или бодричей, именовалось рериками. Вместе с тем Гедеонов проследил и такую закономерность: личные имена вендских князей нередко соответствовали названию самого племени. Соответственно, делает вывод Гедеонов, племенному прозвищу рерики отвечает княжеское имя Рерик.⁴

Такой вывод был, однако, сделан лишь на основании умозаключений, выведенных из косвенных данных. В средневековых источниках не обнаружено упоминаний о западнославянском князе Рерике. Но собранные Гедеоновым данные позволяют предполагать, что имя Рорик, известное по источникам в ютландской династии только в IX в., было связано брачному союзу с представительницей славянской династии королевства бодричей (ободритов).⁵ Уже А. Ф. Гильфердинг выяснил, что как раз в IX столетии имели место союзные отношения их с ютландцами, направленные против общего противника — континентальных германцев.⁶

А еще в 30—40-х гг. XIX в. профессор Дерптского университета Ф. Крузе в ряде своих работ подробно обосновал гипотезу, которая ранее, в 1816 г.,

⁴ Гедеонов С. А. Варяги и Русь: Историческое исследование. СПб., 1876. С. 191—205. Данные Гедеонова относительно имени Рерик не были учтены в издании: *Słownik starożytności słowańskich*. Wrocław, etc., 1970. Т. 4. S. 490—491.

⁵ Новейший аналитический обзор исторических данных и исследовательских толкований этнонима «ободриты» см. в кн.: Назаренко А. В. Немские латиноязычные источники IX—XI веков. М., 1993. С. 15—16, 22.

⁶ Гильфердинг А. Ф. История балтийских славян // Собр. соч. СПб., 1874. Т. 4. С. 287—299.

была высказана Г. Ф. Хольманом, но неотчетливо и мало аргументированно. Согласно этой гипотезе, Рюрик русских летописей тождествен знаменитому в свое время викингу, фрисландскому, а затем ютландскому владетельному графу Рорику. Деятельность его в западноевропейских источниках освещается с 826 по 873 г., но известия о нем содержат хронологические лакуны, позволяющие полагать, что какое-то время он находился на Руси, а не во Фрисландии, где имел лен, полученный от германского императора, и не в Ютландии, где получил лен позже. Рорик был приглашен управлять для того, чтобы оградить Фрисландию от грабительских наездов других викингов, и успешно выполнял эту миссию. Позже, согласно русской летописи, Рюрик в сходной ситуации оказывается приглашен жителями Новгородской земли, которые только что прогнали «варягов», заставлявших платить им дань. В западных источниках нет известия о смерти Рорика. Но под 882 г. сообщено о наследовании его владений другим лицом, что естественно согласуется с данными русской летописи о смерти Рюрика тремя годами ранее.⁷

С наибольшей основательностью и с опорой на широкий круг источников эта гипотеза была обоснована Н. Т. Беляевым в труде, который увидел свет в 1929 г. в Праге на страницах весьма серьезного, но недостаточно широко известного научного издания русской эмиграции. Как обнаружилось, нет препятствий для отождествления Рюрика Новгородского и Рорика Ютландского.⁸ Тезис Беляева, что русские и западные источники сообщают об одном и том же историческом деятеле, был вскоре принят рядом крупных специалистов — историков Руси на Западе (Г. В. Вернадский, А. А. Васильев, Х. Пашкевич) и даже ведущими русистами в СССР (Б. Д. Греков, В. В. Мавродин и др.).⁹ Сравнительно недавняя попытка польского историка Г. Ловмянского оспорить этот тезис не удалась: прослеживая по источникам биографию Рорика на Западе, Ловмянский не смог заполнить в ней лакуны, которые естественно объясняются деятельностью Рюрика на Руси, а тенденциозность многих аргументов Ловмянского недавно была убедительно показана.¹⁰ Автор монографии по варяго-русской проблеме Г. С. Ле-

⁷ Крузе Ф. 1) О происхождении Рюрика (преимущественно по французским и немецким летописям) // ЖМНП. 1836. № 1. Отд. 2. С. 3—73; 2) О пределах Нормандии и названии норманнов и руссов // ЖМНП. 1839. № 1. Отд. 2. С. 13—77 и другие его работы. См. также: Голлман Г. Ф. Рустрингия, первоначальное отечество первого российского великого князя Рюрика и братьев его. М., 1819 (перевод И. Снегирева с немецкого изд. 1816 г.).

⁸ Беляев Н. Т. Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи // *Seminarium Kondakovianum*: Сб. статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием имени Н. П. Кондакова. Прага, 1929. Т. 3. С. 215—270. В том же издании В. А. Мошин напечатал рецензию на труд Беляева (Прага, 1932. Т. 5. С. 334—338), содержавшую, среди прочего, возражения, которые затем были отвечены в ответе Беляева (Прага, 1933. Т. 6. С. 245—248).

⁹ См., например: *Vernadsky G. Ancient Russia*. New Haven, 1943. P. 337—339, 365—366; *Греков Б. Д. Борьба Руси за создание своего государства*. М.; Л., 1945. С. 50; *Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства*. Л., 1945. С. 213; *Vasiliev A. A. The Russian Attack on Constantinople in 860*. Cambridge, Mass., 1946. P. 234—237; *Paszkwicz H. The Origins of Russia*. London, 1954. P. 136—137.

¹⁰ *Ловмянский Г. Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский* // Скандинавский сборник. Таллин, 1963. Вып. 7. С. 221—249. Критику этой работы см. в статье: *Касиков Х., Касиков А. Еще раз о Рюрике Новгородском и Рорике Датчанине* // Скандинавский сборник. Таллин, 1990. Вып. 33. С. 98—108.

бедев солидаризировался с выводом о тождестве Рюрика и Рорика; поддержали этот вывод и другие современные исследователи.¹¹

Концепцию Беляева и его предшественника Крузе несколько ослабляло отсутствие в привлекавшихся ими источниках реальной мотивировки обращения именно к Рорику Фрисландскому просьбы прибыть для управления Русской землей. Правда, археологические данные свидетельствуют о существовании в те времена контактов между жителями Фрисландии и Северной Руси.¹² Но явно выраженные устремления фрисландцев тогда почти не простирались так далеко на восток Балтики. Здесь первенствующая роль принадлежала шведам, у которых, однако, не было политического деятеля с подобным именем. Между тем Рорик Фрисландский по отцу относился к датскому королевскому роду Скъолдунгов. Его политические приоритеты долго сосредоточивались в бассейне Северного моря. Но и став князем Северной Руси, он не перестал интересоваться своими западными владениями, о чем, собственно, и свидетельствует скудость известий русских летописей о деятельности Рюрика. По-видимому, на Руси он бывал эпизодически и только последние годы жизни провел здесь почти полностью.

Привлечение обязанных фольклору известий Иоакимовской летописи позволяет теперь ответить на вопрос, оставшийся нерешенным: главная причина обращения славян именно к Рюрику лежала, по-видимому, не в экономической сфере и даже не в политической или военной, а в сфере династических интересов.

2

Иоакимовская летопись повествует, что инициатором приглашения Рюрика был княживший до него Гостомysl.¹³ Краткие упоминания о Гостомысле есть и в ряде летописей XIV—XVI вв., где он обычно назван старейшиной или посадником. В этих летописях нет речи о предшествовавших Рюрику князьях иной династии, что естественно для памятников средневековой историографии, отредактированных во времена правления Рюриковичей. Исключение составляет как раз Иоакимовская летопись, основной текст которой сохранился до того времени, когда правила уже династия Романовых и ослабили побудительные мотивы именно Рюрика считать первым князем Русской земли.

Только в Иоакимовской летописи говорится о долго правившей славянской династии, последним представителем которой как раз и был Гостомysl. Четыре его сына погибли бездетными при жизни отца, когда его воз-

¹¹ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 214; Кирпичников А. Н. «Сказание о призвании варягов» // Первые скандинавские чтения. СПб., 1997. С. 7—18 и др. Ср. также: Christensen A. Vikingetidens Danmark. København, 1977. S. 140—141, 149—150; Мачинский Д. А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси // Русский Север. Л., 1986. С. 27—28.

¹² См. об этом: Касиков Х., Касиков А. Еще раз о Рюрике Новгородском и Рорике Датчанине. С. 105—106.

¹³ А. А. Шахматов, не раз обращавшийся к преданию о Гостомысле, отмечал, что «память о Гостомысле держалась в Новгороде долго. Ср. новгородских бояр Гостомысловых (из их рода святая Иулиания Тверская)» (Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 517).

раст уже не давал надежд на продолжение рода по мужской линии. Но оставались дочери: они были замужем и имели сыновей. Сын старшей дочери, как сказано в летописи, был «негож», поэтому Гостомысл, в соответствии с явившимся ему, согласно преданию, сновидением, решил завещать княжение сыну средней дочери, выданной за иноземного правителя. Старейшины, исполняя его волю, пригласили на княжение Рюрика.

Привожу полностью этот любопытный текст, как он был изложен Татищевым: «Гостомысл имел четыре сына и четыре дщере. Сынове его ово на войнах избиени, ово в дому измроша, и не остася ни единому им сына, а дщери выданы быша суседним князем в жены. И бысть Гостомыслу и людем о сем печаль тяжка, иде Гостомысл в Колмогард вопросити боги о наследии и, возшед на высокая, принесе жертвы многи и весчуны угобзи. Весчуны же отвесчаша ему, яко боги обещают дати ему наследие от ложесн его. Но Гостомысл не ят сему веры, зане стар бе и жены его не раждаху, посла паки в Зимеголы к весчунам вопросити, и ти реша, яко имать наследовати от своих ему. Он же ни сему веры не ят, пребываше в печали. Единюю спящу ему о полудни виде сон, яко из чрева средние дщере его Умилы произрасте древо велико плодовито и покры весь град Великий, от плод же его насысчахуся людие всея земли. Восстав же от сна, призва весчуны, да изложат ему сон сей. Они же реша: „От сынов ея имать наследити ему, и земля угобзится княжением его“. И вси радовахуся о сем, еже не имать наследити сын большие дщере, зане негож бе. Гостомысл же, видя конец живота своего, созва вся старейшины земли от славян, руси, чюди, веси, мери, кривич и дрягович, яви им сновидение и посла избраннейшия в варяги просити князя. И приидоша по смерти Гостомысла Рюрик со двумя братья и роды ею».¹⁴

Перед нами литературно обработанная запись устного предания. Фактическая его основа осложнена традиционным «бродячим» мотивом в рассказе о сне Гостомысла: параллели есть в фольклоре ряда народов. Уже Татищев указывал на сходный эпизод у Геродота; зафиксирован подобный мотив и в фольклоре скандинавском. Но ни дань литературной традиции в устной основе этого текста, ни принципиально возможные и местами довольно ощутимые плоды «олитературивания» в его письменной передаче не заслоняют важности центрального содержания: Рюрик — внук Гостомысла, рожденный его дочерью в замужестве за одним из «князей» в землях «варягов», дядя Гостомысла — «соседних».

Существенно, что Гостомысл известен и западноевропейским хроникам IX в.: он фигурирует там как король государства бодричей. Тождество уникального имени и хронологическое совпадение не ускользнули от внимания историков. Уже А.-Л. Шлёцер сопоставил летописные сведения о Гостомысле с наличием такого имени «в древнейшей Мекленбургской истории», но не придавал этому серьезного значения.¹⁵ Позднее другой русский академик, Ф. И. Круг, допускал, что население Северной Руси могло «обратиться к упоминаемому в 844 году Гостомыслу, царю ободритов, который без со-

¹⁴ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 110. Угоб(ь)зити — насытить; угоб(ь)зитися — процвести, возвеличиться (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1134).

¹⁵ Шлёцер А.-Л. Нестор. СПб., 1809. Ч. 1. С. 303.

мнения мог подать совет ильменским славянам призвать себе князя из соседних областей». Но летописные известия о Гостомысле Круг расценивал как «ни на чем не основанные предания».¹⁶

С большим доверием отнесся к таким данным спустя несколько десятилетий И. Е. Забелин. Напомнив, что Гостомysl, согласно текстам «латинских сказаний», — это живший в IX в. «старейший князь» бодричей, Забелин заключал, что если «в какой-либо русской древней хартии поминалось о нем как о личности, действительно существовавшей во времена призвания варягов, то это обстоятельство может давать намек, что новгородскою волостью в то время владели именно ободриты, с их старейшиною Гостомыслом», тем более что «в Новгородской летописи первым посадником именуется тоже Гостомysl».¹⁷ Работу Ф. И. Круга автор не упоминает, но можно полагать, что у Забелина — косвенный ответ на его скептицизм.

В то время речь шла только об упоминаниях Гостомысла в летописных текстах XIV—XVI вв.: Иоакимовскую летопись И. Е. Забелин, видимо, не принимал во внимание вследствие неясности ее происхождения. Имея в виду теперь и ее, можно заключить, что нет препятствий для отождествления короля бодричей Гостомысла и относимого этой летописью к тому же времени князя Гостомысла, санкционировавшего приглашение Рюрика. Если мы вспомним, что Рюрик был владетельным графом во Фрисландии, затем — в Ютландии и одновременно — князем Северной Руси, естественно допустить аналогичный статус у его деда. Тем более что во втором случае речь идет о едином правителе у двух славянских народов, земли которых разделены несколько меньшим расстоянием. Князь Северной Руси Гостомysl, будучи в земле бодричей, еще до того как он стал ее королем, естественно, мог выдать одну из своих дочерей за представителя династии Скъолдунгов, союзных тогда бодричам, в Ютландию (подобно тому как в следующем столетии туда же была выдана за короля Харальда дочь князя бодричей Мстивоя).

Старшие члены семьи, в которой родился Рорик, были изгнаны из Ютландии в 813 г. и бежали к бодричам. Позже они прибыли к Людовику Благочестивому, дабы вернуться при его поддержке. Войско его вместе с войском бодричей в 815 г. отправилось в Данию.¹⁸ Дальнейшие перипетии внутренней распри датчан для нас сейчас не важны. Но важно, что в середине 810-х гг. имело место содружество именно этой семьи с правителями бодричей. Именно тогда дочь Гостомысла могла стать женой одного из Скъолдунгов. А Рюрик, согласно, подсчетам Ф. Крузе, родился около 817 г.

В источниках нет сведений, с какого года его дед становится королем бодричей. Предшественник Гостомысла Чедраг в анналах упоминается последний раз под 826 г. Аргументировалось мнение, что после кончины Чедрага у ободритов произошла смена династии.¹⁹ Но известий об их правите-

¹⁶ *Krug Ph. Forschungen der älteren Geschichte Russlands. St. Petersburg, 1848. Th. 1. S. 127.* См. также прижизненную газетную публикацию: «О новгородском Гостомысле» (Санктпетербургские ведомости. 1836. № 97. С. 422).

¹⁷ *Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 1879. Ч. 2. С. 86.*

¹⁸ Подробности см. на указанных страницах названного труда А. Ф. Гильфердинга и в названной статье Н. Т. Бялсва на с. 225—227.

¹⁹ См.: *Friedmann B. Untersuchungen zur Geschichte des abodritischen Fürstentums bis zum Ende des 10. Jahrhunderts. Berlin, 1886. S. 71—72.*

лях, к сожалению, нет вплоть до 844 г., когда о короле бодричей Гостомысле говорится в связи с походом немецкого войска в земли славян.

Эти известия каролингских хроник требуют сравнительного рассмотрения.²⁰

Фульдские анналы, соответствующая часть которых писалась современником события, были в тот период официозной хроникой руководившего вторжением короля Людовика Немецкого. Здесь говорится о победе его над бодричами и подчинении князей после убийства их короля Гостомысла. В трудах историков довольно обычны основанные именно на этом известии упоминания, что Людовик умертвил короля бодричей.²¹ Однако другие хронисты подобного не сообщают.

Бертинские анналы, соответствующая часть которых принадлежит тоже современнику, но независимому от Людовика, дают об этой войне, пожалуй, наиболее содержательное известие, в котором среди ее жертв Гостомысл вообще не назван. Третья современная событиям хроника — Ксантенские анналы — сохранилась в тексте, который после 870 г. был обработан сторонником Людовика Немецкого; однако здесь лишь глухо упомянуто, что король Гостомысл погиб или исчез (interiit). Об его убийстве однозначно написал только фульдский анналист.²² Но доверять этому нет достаточных оснований.

Продолживший изучение истории западных славян, начатое у нас известными трудами А. Ф. Гильфердинга, и внимательно сопоставлявший хроники А. И. Павинский отмечал, что «фульдский анналист, находившийся в личных отношениях с королем», существенно искажил результат следующей войны Людовика Немецкого с бодричами, которых возглавил князь Добромысл: сообщая о ней коротко, анналист представил ее как победу Людовика над Добромыслом. Между тем независимая от этого короля хроника Гинкмара (соответствующая часть Бертинских анналов) подробно повествует, в сущности, о поражении войск Людовика, единственным успехом которого оказалось получение заложников. В данной связи А. И. Павинский писал: «Это служит новым указанием на то, как неверно записывались события анналистами, находившимися в зависимости от королевского двора» (ранее, по сходному поводу, исследователь заметил, что «осторожно следует относиться к известиям, сообщаемым придворною анналистикою о победах над славянами»).²³ Уже тот факт, что через сравнительно короткое время после первой

²⁰ «Hludowicus rex Germanorum populos Sclavorum et terras adgressus, quosdam in dedicationem cepit, quosdam interfecit, omnes pene illarum partium regulos sibi aut vi aut gratia subegit» (Fontes ad Historiam regni Francorum aevi Karolini illustrandam. Pars secunda. Berlin, s. a. P. 64); «Eodem tempore Ludewicus rex per/rexit in Winithos cum exercitu. Ibiq[ue] unus ex regibus eorum interiit, Gestimus nomine, reliqui vero fidem prebentes veniebant ad eum. Quam illo absente statim mentientes» (Ibid. P. 346); «Hludowicus Obodritos defectionem molientes bello perdomuit occiso rege eorum Goztomuizli terramque illorum et populum sibi divinitus subiugatum per duces ordinavit» (Ibid. Pars tertia. Berlin, 1960. P. 32).

²¹ См., например: Giesebrecht L. Wendische Geschichten. Berlin, 1843. S. 120; Wachowski K. Slowanszczyzna zachodnia. Poznan, 1950. S. 109; Dralle L. Slaven am Havel und Spree. Berlin, 1981. S. 43; Fritze W. H. Frühzeit zwischen Ostsee und Donau. Berlin, 1982. S. 112; Friedmann B. Untersuchungen zur Geschichte des abodritischen Fürstentums... S. 73—74; Havlík L. E. Slovanské státní útvary raného středověku. Praha, 1987. S. 155.

²² Сокращенные и неточные повторы — в хрониках X—XI вв.: Monumenta Germaniae historica. Scriptorum (далее — MGH. SS). Hannoverae, 1839. T. 3. P. 46—47. О них см. ниже.

²³ Павинский А. И. Полабские славяне. СПб., 1871. С. 32, 56.

войны с бодричами Людовику потребовалась вторая, победы ему не принесшая, свидетельствует, что и результаты первой войны были преувеличены писавшим Фульдскую хронику духовником этого короля Рудольфом. Даже Ксантенские анналы сообщали под тем же 844 г., что сразу после ухода войск Людовика славянские князья отпали от его власти.

Сведения русских летописей позволяют оспорить основанное на односторонней информации мнение, что Гостомysl был убит в 844 г. Если бы действительно во время интервенции Людовика Немецкого он находился на берегах Лабы и если бы, только убив славянского короля, Людовик сумел добиться подчинения местных князей, то весьма осведомленный труаский епископ Пруденций, писавший хронику, дошедшую в составе Бертинских анналов, не умолчал бы о столь существенном факте, ибо он уделил специальное внимание этим событиям 844 г.

По всей видимости, Людовик воспользовался отсутствием Гостомысла, которое и позволило хотя бы ненадолго привести к покорности славянских князей. Так как среди них Гостомысла не оказалось, это открывало возможность признать его погибшим. В то время возраст Гостомысла вряд ли позволял ему лично участвовать в боях. Если его внук от средней дочери Рюрик родился до 817 г., то в 844 г. Гостомыслу было, вероятно, далеко за пятьдесят — по тем временам он являлся пожилым человеком. К тому же он был, очевидно, поглощен делами своих владений у славян приильменских, как позволяет заключить Иоакимовская летопись.

Дату кончины Гостомысла она не сообщает. Но под 862 г. в анналах упомянуто о главенстве у бодричей Добромысла, следовательно, Гостомysl скончался ранее. В «Повести временных лет» 862 г. датировано приглашение Рюрика, которому предшествовали изгнание «варягов» и внутренние раздоры. Это заставляет отнести смерть Гостомысла к самому началу 860-х гг. или к концу 850-х. Если же принимать разделяемую многими историками поправку хронологии «Повести» на шесть лет, которую обосновал в свое время В. Г. Васильевский,²⁴ то следует считать, что Гостомysl скончался около середины 850-х гг.

Фульдская хроника писалась Рудольфом до 863 г. Узнав, что Гостомысла действительно уже нет в живых, тенденциозный хронист, не смущаясь, мог трактовать смерть вражеского короля как впечатляющий успех своего повелителя во время мало результативного на самом деле похода против славян в 844 г. В действительности смерть Гостомысла наступила от естественных причин и не в Западной Прибалтике, а на Новгородской земле. Об этом свидетельствуют данные русских источников — фольклорных и летописных.

Во многих списках существует созданная уже в XVII в. так называемая «История еже о начале Русския земли», которая совместила использование письменной и фольклорной традиций. Об этом памятнике разговор должен быть отдельный, а о Гостомысле там сказано в основном то же, что и в Иоакимовской летописи, но значительно короче. Однако есть важное дополне-

²⁴ Васильевский В. Г. Год первого нашествия русских на Константинополь // ВВ. СПб., 1894. Т. 1. С. 258—259.

ние к ее известиям. После изложения завещания Гостомысла здесь сказано: «И егда сей умре, тогда всем градом проводиша до гроба честно, до места, нарицаемого Волоотово, и погребоша его».²⁵ Аналогичное известие находится в летописце новгородского Николо-Дворищенского собора. Нынешнее местонахождение этой рукописи и ее датировка неизвестны, но ее цитировал, в частности, архимандрит Макарий в своем капитальном труде о древностях Новгорода. И сам Макарий, и ряд его предшественников пересказывали народное предание, относящееся к могиле Гостомысла: это одна из сопки вблизи церкви села Волоотова — «холм, насыпанный над могилою князя славянского Гостомысла будто бы пригоршнями новгородцев, чтивших память своего любимого старейшины, по совету коего призван Рюрик на княжение».²⁶

Еще в 1821 г. известный этнограф и фольклорист А. Чарноцкий предпринимал раскопки предполагаемой могилы Гостомысла. Нанятые им рабочие срыли до основания ближайшую к церкви сопку, имевшую сравнительно небольшие размеры. В насыпи Чарноцкий нашел костные останки, принадлежавшие животным, и древесные угли.²⁷ По заключению архимандрита Макария, «все это осталось, вероятно, после совершаемых некогда над могилою тризн».²⁸ Таким образом, само захоронение обнаружено не было. Ниже поверхности грунта археолог-любитель не углублялся, более крупные насыпи, расположенные дальше от церкви, не трогал.

Волоотово поле, на котором, согласно пересказывавшимся авторами XIX в. народным преданиям, «славяне-язычники погребали своих князей, старейшин и богатырей»,²⁹ вероятно, заслуживает серьезного внимания современных археологов. Захоронение Гостомысла может выделяться среди других своим инвентарем. Найти его — задача, конечно, далеко не простая, но, думается, не безнадежная.

Общественный статус Гостомысла у прибалтийских славян был настолько значителен, что побуждал даже враждебного хрониста называть его королем (гех). Прибытие этого лица в пределы будущей Новгородской земли естественно связывать с усилением немецкого натиска на земли славян, в частности — на государство бодричей. Переселялся оттуда на берега Ильменя, очевидно, далеко не один Гостомысл. Причины же такой миграции со временем только обострялись. Начавшись, вероятно, еще при Карле Великом, она подсказывала путь и Гостомыслу. Биография этого деятеля, хотя и доступная гипотетическому выяснению лишь фрагментарно, может служить иллюстрацией того, какова могла быть вообще этническая предыстория значительной части населения Новгородской земли.

²⁵ Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 447.

²⁶ Макарий [Миролюбов Н. К.], архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Т. 1. С. 568.

²⁷ [Чарноцкий А.] Отрывок из путешествия Ходаковского по России // Русский исторический сборник. М., 1839. Т. 3, кн. 2. С. 172—173.

²⁸ Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей... С. 568, примеч. 355.

²⁹ Толстой М. Святые и древности Великого Новгорода. М., 1862. С. 258.

О том, что она имела весьма давние связи с западными, прибалтийскими славянами, неопровержимо свидетельствуют данные археологии, языкознания и этнографии, обобщенные недавно В. Л. Яниным. Он писал: «Комплекс археологических свидетельств (особенности керамики, домостроительства, оборонительных сооружений), топонимики и ономастики, ориентации денежно-весовой системы Северо-Запада в сочетании с <...> лингвистическими наблюдениями указывают на то, что исходные импульсы передвижения славянских племен на наш угро-финский север находились на территории славянской южной Балтики. Отсюда предки будущих новгородцев и псковичей были потеснены немцами».³⁰

Интересные дополнительные данные для характеристики этого процесса может дать дальнейшее обращение к фольклористике в сопоставлении со свидетельствами не только западноевропейских, но и арабских источников.

3

Около сорока лет назад ленинградский историк В. Б. Вилинбахов в польском славистическом журнале суммировал свои наблюдения и разыскания относительно переклички ряда мотивов и персонажей русского фольклора — главным образом былин — с балтийскими славянами.³¹ Более обстоятельному рассмотрению отдельных составляющих темы были вскоре посвящены небольшие его статьи, напечатанные в СССР.³² Но тогда эти разрозненные работы должного внимания не привлекли, а скоропостижная смерть автора в 1982 г. помешала ему совокупно представить свой материал в компактном, но достаточно развернутом изложении. Ему принадлежал и ряд полезных работ, затрагивавших тему исторических связей между восточными и балтийскими славянами в историографическом аспекте.³³

Особый интерес представляют произведенные Вилинбаховым сопоставления образов русского фольклора, отобразивших народные представления об «острове Буяне», с реалиями западнославянского острова Руяна, на котором находился религиозный центр прибалтийских славян-язычников вплоть до их насильственной христианизации во второй половине XII в. Согласно выводу Вилинбахова, «вся атрибуция острова Буяна (священный характер, священный дуб, змеи, янтарь, священные птицы, старцы и старицы) полностью соответствует описаниям Арконского святилища на острове

³⁰ Янин В. Л. Археология и исследование русского Средневековья // Вестник Российской Академии наук. М., 2000. № 10. С. 923.

³¹ Вилинбахов В. Б. Балтийские славяне в русском эпосе и фольклоре // *Slavia occidentalis*. Poznan, 1965. Т. 25. S. 155—191.

³² Вилинбахов В. Б. 1) Где была Индия русских былин? // Славянский фольклор и историческая действительность. М.; Л., 1965. С. 98—108 (совместно с Н. Б. Энговатовым); 2) Былина о Соловье Будимировиче в свете географической терминологии // Русский фольклор. Л., 1971. Т. 12. С. 226—229; 3) Волх и Рюрик — патронимы преданий и легенд Новгородской земли // Русский фольклор. Л., 1972. Т. 13. С. 213—217 и др.

³³ Вилинбахов В. Б. 1) Балтийские славяне и Русь // *Slavia occidentalis*. Poznan, 1965. Т. 22. S. 254—277; 2) Об одном аспекте историографии варяжской проблемы // Скандинавский сборник. Таллин, 1963. Т. 7. С. 333—347; 3) Современная историография о проблеме «Балтийские славяне и Русь» // Советское славяноведение. М., 1980. № 1. С. 79—84 и др.

Руяне».³⁴ Сравнение некоторых оригинальных пассажей в текстах народных заговоров восточных славян с атрибутами главного божества славян балтийских — Святовита, в частности, с сохранившимися описаниями его идола, находившегося в Арконе, позволило автору заключить, что эти тексты передают в трансформированном виде древние молитвы, обращенные к Святовиту.³⁵

В обеих работах автор использовал главным образом записи севернорусских заговоров. Отображение представлений о священном острове можно обнаружить и в других жанрах — прежде всего в былинах, записанных в пределах владений Великого Новгорода. «Остров Буян» предстает здесь как средоточие сверхъестественных сил, в частности, как место пребывания символизирующих эти силы мифических животных. Былины, повествующие о вражеском нашествии, имеют нередко в качестве преамбулы так называемый «запев о турах», глубокая архаичность которого у исследователей не вызвала сомнений: два тура, переплыв море, оказываются на «острове Буяне», где их встречает мать-туриха; они рассказывают ей об увиденном, она истолковывает это как предзнаменование грядущих бедствий.³⁶ В записях былины о Даниле Ловчанине богатырю, которого хотят погубить, дают поручение отправиться на «остров Буян», дабы поймать или убить диковинного зверя, одолеть которого богатырю удастся обычно только при содействии чудесных сил.³⁷ На Балтийском острове, по представлениям севернорусских сказителей былин, находился «международный центр» былинных богатырей.³⁸

Гельмольд, рассказывая о современных ему событиях 1168 г., когда король Дании при поддержке поморян и бодричей, высадившись на острове, подчинил «землю руян», писал, что их князь Яромир «с охотой принял крещение» и «привлек этот дикий и со звериною яростью свирепствующий народ к обращению в новую религию отчасти ревностной проповедью, отчасти же угрозами, будучи от природы жестоким».³⁹ Свирепый нрав жителей Руяна, отмечавшийся не только Гельмольдом, в древнерусском языке имел обозначение «буий» и производные от него,⁴⁰ что, вероятно, привело к соот-

³⁴ *Вилинбахов В. Б.* Балтийско-славянский Руян в отражении русского фольклора // Русский фольклор. М.; Л., 1968. Т. 11. С. 184.

³⁵ *Вилинбахов В. Б.* Балтийско-славянский Святovit в фольклоре восточных славян // Атеизм, религия, современность. Л., 1973. С. 190—198.

³⁶ *Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым. М., 1904. Т. 1. С. 311—312; Прага, 1939. Т. 2. С. 60—61, 236—238, 299—300; СПб., 1910. Т. 3. С. 53—54, 76—77, 163, 378—379; Беломорские старины и духовные стихи / Собрание А. В. Маркова. СПб., 2002. С. 339—340.*

³⁷ *Печорские былины / Записал Н. Ончуков. СПб., 1904. С. 163—168; Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым. Т. 2. С. 60—61, 178—182, 245—248, 264—266, 412—414; Беломорские старины и духовные стихи. С. 203—204.*

³⁸ Былинновед-диалектолог Г. Ф. Нефедов писал: «Интересны мои встречи с былинниками. Один из них рассказывал мне предания и давал объяснения содержания былин. <...> О Добрыне говорит: „Добрыня раньше был необразованный: образование получил на Балтийском острове, куда съезжались богатыри всех государств. Он был напрактикован там на 12 языках и знал разговор птичий“» (*Нефедов Г. Ф.* Севернорусские говоры как материал для истории // Учен. зап. ЛГУ. № 33. Серия филол. наук. Л., 1939. Вып. 2. С. 258—259).

³⁹ *Гельмольд.* Славянская хроника. М., 1963. С. 235—236.

⁴⁰ *Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 348—351, 361.*

ветствующему прозванию самого места обитания этих буйных людей — по близкому созвучию.

Нахождение же там главного языческого святилища балтийских славян в течение ряда столетий — как раз в то время, когда нарастали побудительные мотивы переселений балтийских славян на восток, — очевидно, и закрепило в восточнославянском фольклоре образ «острова Буяна» как средоточия сверхъестественных сил. Но Руян отобразился и в западном фольклоре, вдохновленном устремлениями католической церкви.

По словам Гельмольда, «старое предание вспоминает, что Людовик, сын Карла, пожаловал некогда землю руян св. Виту в Корвейе, потому что сам был основателем этого монастыря. Вышедшие оттуда проповедники, как рассказывают, обратили народ руян, или ран, в веру и заложили там храм в честь мученика св. Вита, которого почитает эта земля. После того же как раны, они же руяны, с изменением обстоятельств, отклонились от света истины, среди них возникло заблуждение, худшее, чем раньше, ибо св. Вита, которого мы признаем слугой Божиим, раны начали почитать, как бога, поставили в честь его громадного идола и служили творению больше, чем Творцу. И с тех пор это заблуждение у ран настолько утвердилось, что Святovit, бог земли руянской, занял первое место среди всех божеств славянских <...> и все другие славянские земли посылали сюда ежегодно приношения, почитая его богом богов».⁴¹

В правление Людовика Благочестивого, сына Карла Великого, действительно был основан Ново-Корбейский монастырь, посвященный святому Виту, куда были перенесены его мощи из древнего Корбейского монастыря, существовавшего еще в VII в. на ручье Корбэ близ Амьена. Аббаты его и основали новый монастырь на берегу Везера в 816 г.

О достоверности предания одно время велся спор, ее признавали некоторые видные славянские ученые.⁴² Но производить имя Святovit от святого Вита мешает то обстоятельство, что вторая часть этого имени присутствует и в именах других богов прибалтийских славян — Ругевит и Поревит.⁴³ Можно полагать, что существовала несколько иная зависимость. Предание

⁴¹ Гельмольд. Славянская хроника. С. 236—237. Более пространственный вариант он пересказывает в другом месте своей хроники: «Дошедшее от предков древнее предание рассказывает, что во времена Людовика II из Корвэйи вышли известные своей святостью монахи, которые, стремясь спасти славян, обрели сами себя ради проповеди слова Божьего на грозивших им опасности и смерть. Пройдя много славянских земель, они пришли к тем, которые называются ранами, или руянами, и живут в сердце моря. Там находился очаг заблуждений и гнездо идолопоклонства. Проповедуя тут со всей смелостью слово Божье, они приобрели [для христианства] весь этот остров и даже заложили здесь храм в честь Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа и в память св. Вита, покровителя Корвейн. Потом же, когда по попущению Божьему дела изменились, то раны отпали от веры и тотчас же, изгнав священников и христиан, сменили веру на суеверию. Ибо св. Вита, которого мы признаем мучеником и слугой Христовым, они за бога почитают, творение ставя выше Творца. И не найти под небесами другого такого варварства, которое ужасало бы священников и христиан больше, [нежели это]. Они гордятся одним только именем св. Вита, которому посвятили величайшей пышности храм и идола, ему именно приписывая первенство между богами. Сюда обращаются из всех славянских земель за ответами и ежегодно доставляют средства для жертвоприношений» (Там же. С. 45—46). В этом тексте, очевидно ошибочно, вместо Людовика I назван Людовик II.

⁴² См. об этом: *Hudeple L.* Славянские древности. М., 1956. С. 283.

⁴³ См.: *Niderle L.* Slovanské starožitnosti. Praha, 1919. T. 3. S. 149.

же бытовало как оправдание претензий монастыря на владение островом Рюген. Они отразились в ряде документов начиная с 1070 г., когда аббат Корбейского монастыря в описи его владений упомянул остров Рюген. Подтверждения этих претензий есть и в документах XI и XII вв., в частности, в датированном 1149 г. письме аббата, желающего вновь получить местность Ruiana, подаренную монастырю императором Лотарем, а также в удостоверении папой Урбаном IV в 1154 г. права монастыря на владение островом Рюген. Но с 1168 г. руянские князья стали вассалами Дании. В XIV в., после прекращения рода славянских князей, встал вопрос, кому достанется остров. В 1326 г. аббат монастыря представил для заверки грамоту, которая открывала возможность считать поморских князей, получивших Рюген, ленниками Корбейского монастыря.

Этот любопытный документ возвращает нас к середине IX в.

Дарственная грамота, датированная 844 г., сообщает, что император Лотарь даровал Ново-Корбейскому монастырю на реке Везер, в котором покоятся мощи святого Вита и предстоятелем которого состоит аббат Варниус, весь остров Рюген со всеми поселениями и жителями, ибо при заступничестве Вита император победил славянского князя Гостомысла и завоевал его землю. Документальная копия грамоты, совершенная в 1326 г. и находящаяся в архиве Мюнстера, была опубликована с подробными комментариями в 1843 г.

Дословно здесь говорится, что монастырю передается «достояние от возобновления войны, вражеских набегов и полного разгрома их короля по имени Гестимул и других вождей его многочисленных племен».⁴⁴ Об убийстве этого короля в тексте речи нет, победа же над его войском и вождями подчиненных ему племен приписывается не Людовику Немецкому, королю восточных франков, а Лотарю, возглавлявшему тогда империю (номинально еще существовавшую, но разделенную на три части в 843 г., причем центральная часть, принадлежавшая непосредственно Лотарю, включала территорию, где находился Корбейский монастырь).

Лотаря называли победителем славян в 844 г. и хроники Херсфельдской традиции (повторявшие основное содержание современных событию Фульдских анналов, но без упоминания бодричей).⁴⁵ Их использовала хроника самого Корбейского монастыря, где почерком XII в. в более ранний текст вписано соответствующее известие, причем в отличие от этих хроник побежденные славяне названы руянами, а Гостомысл фигурирует, соответственно, как король руян, и упомянуто о переходе их под власть Корбейского монастыря.⁴⁶

Немецкие исследователи признали грамоту подложной и составление ее связали с упомянутыми выше обстоятельствами XIV в. Но сам факт дарения Рюгена императором Лотарем Корбейскому монастырю сомнению не подвергали в связи с наличием гораздо более ранних свидетельств, достаточно

⁴⁴ *Kodex Pomeraniae diplomaticus oder Sammlung der die Geschichte Pommerns und Rügens betreffenden Urkunden.* Greifswald, 1843. Bd 1. S. 12.

⁴⁵ Это анналы Вайсенбургские, Кведлинбургские, Хильдесхаймские, Альтайхские, Ламперта. См.: MGH. SS. Hannoverae, 1839. Т. 3. P. 46—47; Hannoverae, 1868. Т. 20. P. 784.

⁴⁶ См.: *Ibid.* Т. 3. P. 3.

определенно это подтверждающих.⁴⁷ В связи с событиями 844 г. высказывалось мнение, что, может быть, с Гостомыслом «воевали не раз или Лотарь участвовал в походе» (который, согласно хроникам IX в., организовал Людовик Немецкий), с чем и было связано дарение, а лишь задним числом его как бы удостоверила грамота, изготовленная много позже.⁴⁸

Однако в хрониках IX в. нет сведений о других войнах Каролингов с Гостомыслом, как и об участии Лотаря в войне 844 г. Но он был официальным главой Каролингской империи и мог, опираясь на известия о военном успехе своего младшего брата, пожаловать монастырю права на часть территории побежденных. Пожалование Руяна именно монастырю святого Вита, конечно, подсказывалось тем, что на Руяне находилось святилище главного божества балтийских славян — Святовита. Церковная традиция — замещать почитание языческих божеств почитанием христианских святых, имена которых оказывались созвучны (что практиковалось и на Руси), — вполне могла инициировать направление корбейских проповедников на этот остров, где проповедь их, вероятно, оказалась результативной среди славян, вообще восприимчивых к христианству, как это показывает успех миссии Кирилла и Мефодия в Центральной Европе. Но когда для прибалтийских славян стало вполне очевидно, что их обращение в христианство используется как действенное средство в процессе германизации и ведет к полной утрате ими независимости, верх одержали языческие жрецы, от почитания святого Вита руяне вернулись к Святовиту, изгнав христианских священников и даже начав приносить ему в жертву христиан. Толчком для такого поворота могло послужить жестокое подавление Каролингами восстания соседних с руянами лютичей и бодричей в 838—839 г.

Естественно, что ситуация, сложившаяся в результате войны 844 г., подсказала «дарение» монастырю острова, который предстояло христианизировать — теперь уже принудительно — в ходе дальнейшего наступления империи на славян.

Составители подложной грамоты, вероятно, использовали другую версию предания, пересказанного Гельмольдом: они опирались на убеждение, что Гостомysl владел и островом Рюген. Это задним числом сообщили только анналы самого Корбейского монастыря, где есть упомянутое выше краткое известие. Считать его лишь плодом тенденциозного вымысла мешают достаточно ощутимая соотносимость с версией, отраженной у Гельмольда: если при Людовике Благочестивом корбейские монахи обратили руяна в христианство, то ему или его сыну Лотарю естественно было бы закрепить остров за монастырем. Но оказалось, что для этого потребовалась победа над королем Гостомыслом, хотя Руян не входил в территорию бодричей, война с которыми Фульдской хроникой IX в. была зафиксирована.

Но Бертинские и Ксантенские анналы, говоря о войне 844 г., называют не их, а вообще славян. То обстоятельство, что Гостомysl фигурирует в Фульдской хронике IX в. именно как король (rex), которому подчинены сла-

⁴⁷ См. комментарии: *Kodex Pomeraniae diplomaticus...* S. 13—15. Здесь документированы ссылками на источники упомянутые мной выше сведения относительно истории монастыря.

⁴⁸ *Fabricius C. G. Urkunden zur Geschichte des Fürstenthums Rügen unter den eingeborenen Fürsten. Stralsund, 1841. Bd 1. S. 9.*

вянские «корольки» (*reguli*), давно обращало на себя внимание исследователей, отмечавших, что предшествующих и последующих правителей бодричей хронисты называли князьями, а не королями.⁴⁹ Естественнее всего объяснить эту особенность тем, что к середине IX в. сложился более широкий союз племен, возглавлявшийся Гостомыслом.⁵⁰ Центр этого союза мог находиться именно на Руяне. Гельмольд, писавший, правда, позднее, особенно выделял племя руян: «Они занимают первое место среди всех славянских народов, имеют короля и знаменитейший храм. Именно поэтому, благодаря особому почитанию этого храма, они пользуются наибольшим уважением и, на многих налагая дань, сами никакой дани не платят, будучи неприступны из-за трудностей своего месторасположения. Народы, которые они подчинили себе оружием, принуждаются ими к уплате дани их храму».⁵¹ Выделял руян как сильнейшее из славянских племен и писавший за сто лет до Гельмольда Адам Бременский.

В IX в. Руян еще успешно противостоял Каролингам, хотя война 844 г. своим результатом побуждала активизировать перемещение балтийских славян на восток. Можно полагать, что как раз в это время король руян и бодричей Гостомysl стал инициатором усиления этого процесса. Иоакимовская летопись позволяет именно в таком смысле истолковывать ее лапидарный текст.

Эта летопись упоминает «Великий град» как столицу славян, которая была захвачена пришельцами-«варягами». Столицей бодричей был Велиград, название которого и латинские тексты передают как Магнополис, т. е. именно Великий город. Этот город, известный также под названием Рерик, был разрушен во время нападения датского правителя Годфреда в 808 г., о чем сообщают хроники, причем была опустошена земля бодричей, которые оказались вынуждены пообещать выплату дани. О возложении дани в связи с захватом «Великого града» и «протчих» говорится и в Иоакимовской летописи. Согласно ее тексту, Гостомysl, посланный отцом по просьбе людей, которые «терпяку тугу велику от варяг», «овы [из варягов] изби, овы изгна» и после победы над ними «град во имя старейшего сына своего Выбора при мори построи». Критики Иоакимовской летописи указывали на то, что город Выборг построен шведами значительно позже в бухте Финского залива. Последний переписчик Иоакимовской летописи, вероятно, думал действительно о нем, соответственно транскрибируя написание своего скорописного оригинала. Но можно полагать, что там читалось не совсем так. Разрушенный Велиград находился на некотором удалении от Балтийского моря; со временем он возродился, но прежнего значения уже не имел и, хотя оставался главным городом бодричей, был известен уже под своим немецким именем Микилинбург (отсюда позднейшее название немецкой земли Мекленбург). Зато именно «при мори» — на той же реке, что и Велиград-Рерик,

⁴⁹ См., например: *Bulin H. Počátky státu obodrického // Právněhistorické studie. Praha, 1938. T. 4. S. 38—39; Fritze W. H. Probleme der abodritische Stammes- und Reichsverfassung und ihren Entwicklung von Stammesstaat zum Herrschaftsstaat // Siedlung und Verfassung der Slaven zwischen Elbe, Saale und Oder / Herausgegeben von H. Ludat. Giessen, 1960. S. 157.*

⁵⁰ Ср.: *Friedmann B. Untersuchungen zur Geschichte... S. 74.*

⁵¹ *Гельмольд. Славянская хроника. С. 100.*

но при впадении ее в море — вскоре появился город Вышмор (или Весмир), впоследствии получивший немецкое название Висмар, который стал крупным центром торговли, каким был прежде Велиград.⁵²

Следующая фраза Иоакимовской летописи — «Учини с варяги мир, и бысть тишина по всей земли». Как раз к этому периоду относится заключение немецкого исследователя истории государства бодричей о переходе их «от союза с франками к альянсу с данами», причем «взаимодействие ободритов и данов», по его словам, «стало важным фактором политических расчетов».⁵³

Иоакимовская летопись, писавшаяся в начале XI в. в Новгороде, не вдавалась в систематическое рассмотрение обстоятельств, важных для бодричей, велетов и руяна на полтора столетия раньше. Ее интересовали дела Приильменя, а не Прибалтики. Поэтому не вызывает удивления отсутствие в ней известий о военных действиях там в 838—839 г., в 844 г. и позже, но симптоматично упоминание о «тишине» в связи с разговором о Гостомысле. Немецкие историки, склоняясь к тому, что в этот период у бодричей произошла смена династии, показателем этого считали резкие отличия имен Гостомысла, упомянутого под 844 г., и Добромысла — под 862 г. — от имен предшествовавших правителей. К середине IX в. относили и переход от племенного управления к политическому единству,⁵⁴ причем «правление Гостомысла должно было иметь достаточную силу, чтобы вовлечь всех подчиненных ему князей» в борьбу против подчинения Каролингам.⁵⁵

Можно полагать, что могущество Гостомысла в Прибалтике основывалось на объединении под его управлением руяна и бодричей при ориентации на альянс с датчанами. Но этим обеспечивалась не столько безопасность от продолжавшегося наступления Каролингов, сколько «тишина» для той части прибалтийских славян, которая перемещалась на восток, дабы там быть в безопасности и от Каролингов, и от новых набегов «варягов».

4

Соотнесенность Гостомысла в латинских источниках не только с бодричами, но и с руянами требует обратить специальное внимание на историческую роль места обитания последних, именуемого в немецких текстах Insel Rügen, а в русском фольклоре «остров Буян». Главенствующее положение Руяна и его правителей среди племен славянского Поморья — от Дании до земли пруссов, отмеченное средневековыми хронистами, заставляет именно там усматривать центр Руси прибалтийской.

Здесь не место обращаться к истории споров, ведущихся со времен Ломоносова, но приходится отметить, что на нынешнем этапе изучения проблемы словно возродился тогдашний полемический метод его научных противников, все отвергавших, так сказать, с порога и без серьезного рас-

⁵² См., например: *Havlik L. E. Slovanské statní útvary...* S. 155. Подробно обсуждал последний вопрос А. Ф. Гильфердинг уже в первой части своего труда «История балтийских славян» (М., 1855. Т. 1. С. 72—73).

⁵³ *Friedmann B. Untersuchungen zur Geschichte...* S. 139—142.

⁵⁴ *Fritze W. H. Probleme der abodritische Stammes- und Reichsverfassung...* S. 201—202.

⁵⁵ *Friedmann B. Untersuchungen zur Geschichte...* S. 74.

смотрения. Теперь оказывается возможным в том же научном журнале, где суммировались накопленные более чем за столетие данные в пользу соотнесенности происхождения Древней Руси с балтийскими славянами, просто упомянуть, что подобные «попытки» в сущности не заслуживают рассмотрения, ибо, «как правило», они «предпринимаются исследователями, не имеющими филологической подготовки». При этом дается отсылка только к одной из статей ученого, ранее в том же журнале опубликовавшего работу, где немало страниц посвящено именно острову Руяну и соседним с ним территориям поморских славян.⁵⁶ А сами обобщенные им труды, включая и написанные с опорой на профессиональное лингвистическое исследование материала, игнорируются.⁵⁷

Один из таких трудов, где речь идет о локализации в Прибалтике «третьего центра» Руси у арабских географов, игнорируется даже в работе, автор которой взялся рассмотреть именно эти три «центра» с опорой на фольклористический аспект. Здесь сказано, что «все попытки» идентификации «Арсы и третьей группы русов — Арсании» с историко-географическими реалиями «выглядели неубедительно», причем особо упомянута «признанная исследователями фантастической деталь о недоступности Арсы чужеземцам, так как местные жители убивали их».⁵⁸ Достаточно очевидно, что автор не учел исследование чешского ориенталиста И. Хрбека, хотя и ссылается на упомянувшего эту работу А. П. Новосельцева (выразив, впрочем, согласие с гипотезой последнего).

Как известно, из трех «центров» Руси (или «племен» или «видов», в зависимости от различия предлагавшихся переводов), о которых писали арабские авторы середины X в. и позже, относительно двух первых мнения подавляющего большинства исследователей в основном сходятся: это Киев и Новгород. Что касается третьего, то географический разброс предлагавшихся идентификаций его на просторах Восточной Европы был весьма значителен — при одинаковой, в общем, недостаточности соотнесений с тем, что говорится у не во всем совпадающих авторов дошедших арабских свидетельств. Эти свидетельства, относящиеся к Руси и славянам, касаются не только «трех центров» — разнообразный по содержанию комплекс восточных источников довольно велик. В совокупности они были рассмотрены А. П. Новосельцевым, работа которого сохраняет значение и спустя почти четыре десятилетия, хотя отдельные памятники после нее подвергались более обстоятельному обсуждению. Но аргументацию своих предшественников Новосельцев анализировал порою бегло, а нередко ограничивался упоминанием. Это относится к вопросу о «трех центрах».⁵⁹

⁵⁶ См.: Кузьмин А. Г. «Варяги» и «русь» на Балтийском море // ВИ. 1970. № 10. С. 39 сл.

⁵⁷ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «Русь» в этнокультурной истории древнерусского государства (IX—X вв.) // ВИ. 1989. № 8. С. 25.

⁵⁸ Петрухин В. Я. Три «центра» Руси. Фольклорные истоки и историографическая традиция // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 144.

⁵⁹ Сравнительно полный обзор предшествующих работ был помещен ранее в статье: Wilinbachow W. B. Przyczynek do zagadnienia trzech ośrodków dawnej Rusi // Materiały zachodnio-pomorskie. Szczecin, 1961. T. 7. S. 517—530. Сам автор ее предположил, что все три «центра» находились на южной Балтике. Однако аргументы в пользу такой идентификации «Кувявии» и «Славии» представляются слишком недостаточными, и поддержки она не получила.

По словам А. П. Новосельцева, «чешский арабист И. Хрбек опубликовал большую статью, ставящую целью доказать, что Арсания — не что иное, как западнославянский остров Рюген», но, «несмотря на большой исторический и лингвистический материал, использованный И. Хрбеком, его точка зрения не убеждает».⁶⁰ Не сказав ничего более конкретного об этом исследовании, Новосельцев переходит к краткому аргументированию собственной точки зрения, которое сводится к варьированию аргументов его предшественников и позволяет автору заключить, что целесообразно «присоединиться к сторонникам расположения Арсы в районе Верхней Волги и поместить третий вид русов где-то в районе Ростова — Белоозера».⁶¹ Между тем исследование И. Хрбека заслуживает весьма внимательного отношения — уже только потому, что опирается на тщательный текстологический разбор всех имеющихся свидетельств (с учетом их палеографических особенностей). В приложении к своей работе автор приводит все тексты в оригинале и переводе, а обращаясь к их рассмотрению, полностью учитывает историко-литературный фон и историю самих памятников, историю их взаимных отношений, внимательно сопоставляет варианты написаний ключевых терминов во всех имеющихся рукописях.⁶²

Рассмотрев в четком, компактном изложении мнения и аргументацию своих предшественников, И. Хрбек продемонстрировал уязвимость их построений, констатировал, что им не удалось «прийти к одной общепризнанной точке зрения» и что «предыдущие попытки исходили не из всех фактов, содержащихся в арабском оригинале книги Аль-Истахри». Написанный около 950 г., этот текст послужил источником для почти дословно повторившего его Ибн-Хаукаля и для анонимного автора «Худуд-аль-Алама», который, используя и другие источники, «комбинирует их с первоначальными сведениями Аль-Истахри, что, однако, скорее отрицательно, чем положительно сказалось на ясности текста» (628). Как показал И. Хрбек, смущавшие некоторых интерпретаторов противоречивые географические указания — что «Арта» и «Артания» помещаются «между землей хазар и Великим Булгаром», и вместе с тем что «за „Артой“ находится безлюдная земля, по которой можно дойти до гор, где расположена стена Александра для защиты от Гога и Магога», и даже что «Гог и Магог — племена русов», которые «относятся к тюркам» (634), — это индивидуальные добавления некоторых рукописей Аль-Истахри, обязанные в первом случае «ошибкой при переписывании» (646), а во втором явившиеся «лишь результатом комбинирования и фантазирования» (648).

⁶⁰ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 418. Единственным аргументом в пользу такого заключения Новосельцева оказывается его фраза: «Т. Левицкий уже после выхода в свет статьи Хрбека считает возможным отождествлять Арсу с мордовской эрзей» (Там же). Но вышедшая в Польшу всего через три года после напечатанной в Чехословакии работы Хрбека статья Левицкого просто была написана раньше, чем автор ее смог познакомиться с исследованием Хрбека, которое Левицкий вообще не упомянул, говоря об истории вопроса (см.: Lewicki T. Znajomość krajów i ludów Europy u pisarzy arabskich IX i X w. // Slavia antiqua. Warszawa; Poznań, 1961. T. 8. S. 61—124).

⁶¹ Новосельцев А. П. Восточные источники... С. 419.

⁶² Hrbek I. Der dritte Stamm der Rus nach arabischen Quellen // Archiv orientální. Praha, 1957. T. 25. S. 628—652. Далее ссылки на страницы этой работы даются в тексте.

Путем скрупулезного текстологического сличения и источниковедческого анализа И. Хрбек доказывает не только это. Обратившись к тексту «Худуд-аль-Алам», исследователь констатирует, что указание, будто бы все три центра трех племен Руси находятся на «реке Рус», — «результат комбинаций анонимного автора» (632). И. Хрбек допускает вначале, что из оригинальных известий этого источника можно было бы «с доверием относиться разве что к сведениям об изготовлении мечей и клинков» именно в «Артабе» (634). Но после сопоставлений с совокупностью аналогичного рода известий арабских предшественников этого анонима И. Хрбек отводит такое предположение: «Автор „Худуд-аль-Алам“ знал о производстве мечей в России, однако точное место их происхождения оставалось для него неизвестным. Поэтому он просто приписал их городу „Артабу“, о котором на основании данных Аль-Истахри предполагал, что он находится в России» (644).⁶³

Анализируя построения своих предшественников, И. Хрбек обращает внимание на то, что если Киев и Новгород как центры соответствующих «племен» Руси идентифицировались довольно убедительно большинством исследователей, то в качестве третьего центра предлагалось много вариантов, ни в одном из которых речь не шла о городе, выдерживающем сравнение по значимости с Киевом или Новгородом.

Этот существенный дефект преодолен автором, который так формулирует условия решения задачи: «1. Географический следует иметь в виду всю территорию славян в первой половине X века. 2. Город (и племя) должны были иметь приблизительно такое же политическое и/или экономическое значение, как Киев и Новгород. 3. Название города должно графически (и фонетически) соответствовать арабской форме „Арка (Арфа)“. 4. Название племени должно соответствовать форме „артания“ (или ее вариантам). 5. Предметные данные арабских авторов должны соответствовать действительному положению вещей» (638).

Обозрев состояние славянских политических образований на юге и западе Европы в сопоставлении со степенью их известности у арабов того времени, И. Хрбек приходит к заключению, что речь должна идти именно о прибалтийских славянах — тем более что «на южном побережье Балтийского моря, а также на островах было найдено много арабских монет (преимущественно саманидского происхождения), относящихся к VIII—X векам» (десятки тысяч монет в сотнях отдельных находок). Это свидетельствует, что как раз прибалтийские славяне «поддерживали в IX—X веках оживленные торговые связи с восточными частями халифата» (640). Отсюда — правомерность попытки искать город «Арка» и племя «артания» именно здесь.⁶⁴

⁶³ Автор оставляет вне рассмотрения позднейшие обработки и компиляции, заметив, что «Аль-Идриси, Ад-Дамашки и Ибн-Ияз делают лишь несущественные дополнения, являющиеся чистой фантазией и не имеющие ценности источников» (635).

⁶⁴ Но не в Скандинавии, где пытались искать их позднее без должного учета исследования И. Хрбека и данных археологии, о которых писал В. Л. Янин, охарактеризовав датированные находки, относящиеся к периоду до конца первой четверти IX в.: «Основная и притом сравнительно более ранняя группа западноевропейских кладов восточных монет обнаружена не на скандинавских землях, а на земле балтийских славян» (Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. С. 89).

Отметив, что варианты текста в рукописях позволяют читать название города как Арка, а «произношение могло также звучать „Арко“», И. Хрбек обращает внимание читателя, насколько близки этому «засвидетельствованные формы названия Аркона (Archon, Arkon, Arcun, Arcop)» на острове Рюген (640).

Автор указывает, приводя свидетельства источников, что «город Аркона принадлежал к наиболее крупным и значительным торговым центрам на Балтийском море», напоминает, что именно в Арконе «находилось святилище языческого бога Святовита — культовый центр балтийских славян, в который стекались дары и жертвоприношения со всех славянских земель». Найвысший расцвет Арконы относится к XI и XII вв., а это позволяет полагать, что «она была достаточно знаменита и в X веке», выдерживая сравнение с Киевом и Новгородом (640).

Название племени, пишет И. Хрбек, «мы можем прочесть как „аруяния“; славянское племя, населявшее остров Рюген (Rana, Ruiana, Ruyia, Rugia, Roja, Rugiana), имеет у анналистов различные названия: Rugiani, Ruyani, Rujani, Rojani, Ruani, Rani и т. д.». Автор отсылает к работе Милевского, который «доказал, что Ruiana, Ruiani является более древним обозначением острова и его жителей, а Rana, Rani — более поздним», и обращает внимание на то, что именно «древнейшая форма (Ruiani) весьма сходна с формой (А)руяния, засвидетельствованной у Аль-Истахри» (641).⁶⁵

Обратившись к рассмотрению «предметных данных» арабских хронистов, И. Хрбек констатирует, что «они соответствуют тому, что мы знаем из других источников об Арконе, Рюгене и их жителях» (641). Географическое положение Рюгена и Арконы «вполне соответствует сообщению о морской торговле, и торговая деятельность жителей острова» достаточно отражена в источниках. «Руяни предпринимали путешествия в различные страны, а в самой Арконе имелся особый квартал, где жило много иностранных купцов», — пишет И. Хрбек, ссылаясь на источники (641).

Предшественников И. Хрбека особенно смущала фраза арабского текста о том, что жители «Арты» убивают иноземцев. Даже после его работы А. П. Новосельцев счел возможным присоединиться к тем, кто полагал, что это — ложное утверждение, которое «распространяли болгарские купцы». Между тем нет никакой нужды в столь натянутом объяснении, так как арабская информация лишь, обобщая, гиперболизирует реальные факты. Они в свою очередь объяснялись реакцией именно балтийских славян на жестокости насильственной христианизации в ходе военной экспансии Каролингов. Как раз на Рюгене, в Арконе, напоминает И. Хрбек, «стоял известный храм языческого бога, где ежегодно приносился в жертву один христианин, то

⁶⁵ И. Хрбек указывал попутно на «интересную параллель с отнесением арабами жителей Рюгена к русам: Герборд и Эббон называют остров Рутения, а его жителей — рутены» — и напоминал, что «оба названия всегда использовались средневековыми хронистами в качестве обозначения России и русских», а «в Магдебургских анналах за 969 год жители Рюгена именовались Rusci» (641). Автор исследования, посвященного арабским свидетельствам, не углублялся в поиск подобных параллелей у авторов западноевропейских. Такой поиск осуществил впоследствии Н. С. Трухачев, а до него приводил аналогичные примеры — тоже применительно к прибалтийским славянам — А. Г. Кузьмин (см. ниже).

⁶⁶ Новосельцев А. П. Восточные источники... С. 419.

есть иностранец» (642). Автор подчеркивает, что «источники говорят о жителях Рюгена в довольно сильных выражениях, таких, как „*crudentes*“, „*gens fortissima*“ и т. п.», и христианским миссионерам «было опасно для жизни отправляться к ним» (642). Хрбек отмечает, что в непосредственном соседстве с островом Рюген обитали четыре племени велетов, которые принадлежали к наиболее диким и жестоким славянским племенам, причем «неоспоримо, что лютичи-велеты были далеко за пределами своей родины известны своей необычайной жестокостью и дикостью и что их отношение к чужакам было крайне недружелюбным». И. Хрбек справедливо объясняет это «длительнейшей столетиями враждой с немцами и христианами» (643).⁶⁷ Напомнив о предположении, будто бы сведения «о враждебности жителей „Арки“ по отношению к чужеземцам» являлись «вымыслом с целью отпугнуть чужих купцов», И. Хрбек называет его «совершенно излишним», так как «мы можем согласовать сообщение Аль-Истахри» с тем, «что мы знаем о балтийских славянских племенах из других источников, и нам не требуется прибегать к легенде для объяснения этого явления» (643).

Автор рассматривает перечни товаров, которые, согласно арабским источникам, вывозились из «Арки». Аль-Истахри указывает только свинец и черных соболей, Ибн-Хаукаль добавляет еще черных лис и «зайбак». Проанализировав соотношения рукописей, Хрбек приходит к заключению, что «данные Ибн-Хаукаля о вывозе лис и рабов из „Арки“ могут восходить к маргиналиям Аль-Истахри», и тогда «мы можем считать их достоверными» (644). «Как важный торговый центр на Балтийском море Аркона сосредоточивала товары из различных соседних стран», — подчеркивает И. Хрбек и указывает, что меха, естественно, могли доставляться из Швеции и Восточной Европы, а свинец — из той же Швеции, Польши или Силезии и даже из прибалтийского Поморья. Он приводит данные источников относительно месторождений там свинца и о развитом экспорте мехов из названных земель как раз в то время, о котором идет речь. Что касается работорговли, то И. Хрбек отсылает к информации Гельмольда, который «подчеркивает, что Rujani приобретают свое богатство за счет продажи рабов», а кроме того, вообще «имеется много свидетельств о работорговле в балтийских странах» (645).

И. Хрбек резюмирует, что «ни один из фактов не свидетельствует против идентификации „Арка“ с Арконой, а „аруяния“ — с жителями Рюгена; описание, которое содержит первоисточник Аль-Истахри, вполне соответствует этническим и хозяйственным отношениям в Арконе, на Рюгене и славянском побережье Балтийского моря» (645). Исследовав «все сообщения, которые содержатся в старинных арабских географических трудах о третьем племени русов», автор заключает, что «единственным решением, которое отвечает всем требованиям критического рассмотрения предмета и источника, является идентификация с Арконой и Rujani (жителями острова Рюген)» (648).

⁶⁷ В примечании И. Хрбек напоминает сообщения Адама Бремсеного и Гельмольда о жителях расположенного вблизи Руяна крупного торгового центра балтийских славян — Волина: они «были гостеприимны, однако саксы, которые туда отправлялись, должны были скрывать свое христианство, чтобы не лишиться жизни» (643).

Исследование И. Хрбека, к сожалению, учитывалось слишком недостаточно даже авторами, знавшими о нем и позднее специально обращавшимися к вопросу о «трех центрах Руси»: сведения арабских географов стремились привлекать, как бы абстрагируясь от результатов текстологических сопоставлений, позволивших Хрбеку обоснованно вывести за рамки правомерного использования в качестве источника искаженные тексты позднейших версий и уникальные особенности дефектных списков, порожденные недопониманием исходного текста переписчиками. Это приводило к малооправданному наращиванию географического разброса интерпретаций и к преувеличению значимости поздних распространений основного источника, досконально изученного И. Хрбеком.⁶⁸

Между тем важность его результатов особенно очевидна при сопоставлении с другими опытами идентификации этих сведений. Только Аркона и руяне имеют бесспорное ближайшее созвучие с арабскими текстами; только Аркона из всех предлагавшихся соотношений выдерживает сравнение по значимости с Киевом и Новгородом; только руяне действительно убивали иностранцев, принося христиан в жертву своему верховному божеству в эпоху острого противостояния, имевшего место в X в., когда уже велась принудительная христианизация балтийских славян немцами; соответствуют реалиям Рюгена и сведения арабских текстов о номенклатуре вывозимых товаров.

Ко второй половине предшествовавшего, IX в. восходят сведения других арабских авторов относительно «острова русов». И. Хрбек к ним не обращался вследствие ограниченности своей конкретной задачи. Но соотносимость этих сведений с тем же Руяном достаточно очевидна, соответствующие суждения не раз высказывались и подробно аргументировались с опорой на источники. Главное различие состоит в том, что до середины IX в. еще не было интенсивного натиска Каролингов на Руян, и соответственно в источниках, отображавших этот период, нет данных о враждебном отношении жителей острова к иноземцам, тем более — об убиении пришельцев.⁶⁹

⁶⁸ См., например: *Thulin A. The third Tribble of the Rus // Slavica antiqua. Warszawa; Poznan, 1979. T. 25. S. 99—139*; *Коновалова И. Г. Рассказ о трех группах русов в сочинениях арабских авторов XII—XIV вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1992—1993 годы. М., 1995. С. 139—148.*

⁶⁹ Из сравнительно недавних работ см. особенно: *Кузьмин А. Г. «Варяги» и «русь» на Балтийском море. С. 39—42 и др.; Трухачев Н. С. Попытка локализации прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X—XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1980 год. М., 1981. С. 167—175.* Позднейшие авторы, почти игнорируя само существование таких работ, предпринимали вместе с тем довольно субъективные попытки оспорить отдельные их тезисы без учета совокупности привлеченного материала. При этом вопросы о том, кто такие летописные «варяги» или что означают в источниках термины «русь» и близкие ему, рассматривались порой настолько узко, что, несмотря на наличие в этих работах ценных наблюдений и полезных сопоставлений, общего продвижения вперед почти не наблюдается. Но можно проследить проявившуюся в последнее время тенденцию противопоставить господствовавшим некогда попыткам дискредитировать «норманизм» столь же субъективные попытки «реабилитировать» его — не принимая к серьезному рассмотрению материалы, добытые «антинорманистами», подобно тому, как это делалось с противоположных позиций в период «борьбы» против «буржуазной» науки. Психологическое наследие того периода изживается слишком медленно. Между тем спокойное понима-

К первой половине IX в. относятся рассмотренные выше данные, которые дают основание полагать, что Гостомysl возглавлял тогда бодричей и руян, а Иоакимовская летопись указывает на то, что его главенство распространилось и на племена, обитавшие в бассейне Ильменя. В свете этих данных несколько расширяется и уточняется смысл проницательного суждения, высказанного еще четверть века назад ведущими археологами: «Новгород на заре своей истории возник не как центр только племенного союза новгородских словен, а как столица громадной разнотнической федерации нашего Северо-Запада, состоявшей из племен западных и восточных славян и аборигенных племен финно-угорского происхождения».⁷⁰

Территория Новгородской земли в IX столетии, а как можно полагать — и ранее, была в значительной степени населена выходцами из западнославянского Балтийского Поморья.⁷¹ Велеты-волоты и балтийская русь, прибывавшие как минимум двумя волнами, закрепились здесь на обширных пространствах, маркируемых топонимами, которые происходят, очевидно, от самоназваний переселенцев.

Можно полагать, что такая федерация возникла в связи с неудачей крупного восстания прибалтийских славян против Каролингской империи, происходившего в 838—839 гг. Тогда бодричи и велеты, потерпев поражение, принуждены были дать заложников. Именно после этого бодричи, велеты и руяне под главенством короля острова Руяна Гостомысла, вероятно, активизировали контакты с потомками велетов, переселившихся ранее в северо-западные земли Восточной Европы. Нараставшая после окончания распрей между сыновьями Людовика Благочестивого угроза интенсификации натиска на славян, возможно, усилила миграцию западных славян на восток. Отпадение бодричей от подчинения Каролингской империи, на которое сетовал фульдский анналист, естественно объяснить вступлением их князей в федерацию под патронажем набиравшего силу государства руян, возглавленного Гостомыслом. В связи с вторжением войск Людовика Немецкого в 844 г., временный успех которого таил угрозу новых агрессий, происходит, очевидно, перемещение центра федерации на восток, и Гостомysl оказывается уже не на Руяне, а у берегов Ильменя.⁷² Здесь возникают поселения

ние того, что чаще всего на самом деле «истина посередине», ускорило бы научный прогресс. Профессионализм не может служить заменой научной объективности. Ср., например: *Ловмянский Г.* Руссы и руги // *ВИ.* 1971. № 9. С. 43—52; *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* 1) Скандинавы на Руси и в Византии в X—XI веках: К истории названия «варяг» // *Славяноведение.* 1994. № 2. С. 56—68; 2) Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // *ВИ.* 1995. № 2. С. 44—57.

⁷⁰ *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы новгородской археологии // *Археологическое изучение Новгорода.* М., 1978. С. 45. Судя по контексту, авторы имели тогда в виду под западными славянами кривичей как вероятных пришельцев из Прибалтики, поскольку соотносимый с ними Людлин конец характеризует «постоянная связь с Прусской улцей».

⁷¹ См.: *Седов В. В.* 1) *Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.* М., 1970. С. 71—72; 2) *Славяне в римское время.* М., 2003. С. 14.

⁷² Князь Добромysl, возглавлявший бодричей при вторжении к ним Людовика Немецкого в 862 г., мог быть не сыном Гостомысла, как предполагали некоторые исследователи, а его младшим братом, который оказался послан в наиболее угрожаемую из земель федерации. Сыновья Гостомысла, как мы знаем из текста Иоакимовской летописи, «ово на войнах избини, ово в дому измроша». Очень возможно, что один из этих сыновей погиб как раз в 844 г., что помогло фульдскому анналисту, преувеличившему успех своего повелителя, даже объявить об убийстве самого Гостомысла.

прибывших с ним славян — руси прибалтийской. Им могут быть обязаны происхождением многочисленные топонимы с корнем «рус» в Приильменье, частично наложившиеся на более древние топонимы с корнем «велет — волот».

Одна из ранних волн переселений, по-видимому, относится к последней четверти VIII—началу IX в., когда происходили вторжения войск Карла Великого в земли велетов-лютичей. Этому этапу соответствуют, как можно полагать, топонимы с основой «волот». Велеты и далее подвергались военному нажиму со стороны Каролингов. Напротив, бодричи-ободриты, ставшие союзниками Карла как противники велетов и союзных с велетами саксов и бывшие даже в вассальных отношениях с империей Карла, после его смерти обрели фактическую независимость в период ослабления империи при сыне и внуках Карла Великого. Но укрепившийся в восточной части империи король Людовик Немецкий, а затем его сыновья и внук несколько раз предпринимали вооруженные акции, направленные на приведение к покорности бодричей — как и других славян по Лабе и балтийскому Поморью. Решающих успехов эти походы Каролингов против славян германским королям не приносили. Но они создавали перманентную угрозу, служившую побудительной причиной дальнейших переселений в ранее освоенные уже балтийскими славянами территории у берегов Ильменя. Начавшись около середины IX в., этот этап оказался длительным и обусловил устойчивое общение балтийских славян и населения Новгородской земли, которое получило достаточно определенное отражение в ее фольклоре.

Старейшина Гостомысл, именем которого открывается перечень посадников Великого Новагорода, возглавил, видимо, основную массу второй волны западных славян, составивших в тот период главенствующую часть населения возникавшего города. Разрушенный датчанами в начале IX в. Великий город у берегов Балтики возродился к середине этого столетия у берегов Ильменя. Территории, еще принадлежавшие балтийским славянам на западе, не составляли государственного единства ни между собой, ни с Новгородской землей, но федеративность на уровне координации обороны от внешней угрозы под главенством Гостомысла, как видно, тогда существовала. После его смерти сходную функцию выполняет его внук Рюрик, соединивший в своем лице славянское и датское начала для противостояния внешнему натиску — Каролингам на западе и шведским викингам на востоке.